

Раздел 1.

Проблемы лидерства и противоречия
модернизации России на современном этапе

— |

| —

— |

| —

**С.Д. Бодрунов,
Промышленный совет при Губернаторе Санкт-Петербурга**

**Модернизация российской экономики:
от поддержки спроса к стимулированию предложения**

Экономический кризис 2008-2009 годов со всей очевидностью показал – необходима коренная модернизация российской экономики. Экономическая ситуация в 2010-2011 годах принципиально отличается от докризисной ситуации – также, как и модель экономического роста.

Важнейшей причиной, порождающей такое различие, является усилившаяся посткризисная глобализация мировой экономики, которая, пережив в докризисный период мощное развитие финансового рынка и финансовых инструментов, в итоге получила долговой кризис, который, собственно говоря, и стал «пиропатроном» «большого взрыва» – глобального экономического кризиса.

В России ситуация наложилась на внутренние обстоятельства, среди которых главным явилось практически полное исчерпание запаса прочности, которым обладала отечественная экономика в середине 2000-х годов; при постоянном росте бюджетных расходов этот запас прочности (его компоненты – снизившийся уровень монетизации экономики в результате кризиса 1998 года, стабильно высокий профицит баланса текущих операций и госбюджета в результате девальвации национальной валюты в 1998 году, последствия бюджетно-налоговых реформ начала 2000-х годов, начавшийся резкий рост нефтяных цен и др.), позволял иметь некую макроэкономическую стабильность – обеспечивать рост зарплат, социальных расходов и т.д.

Очевидно, что все эти факторы будут играть существенно иное значение в новой, посткризисной экономической реальности. Анализ даже этих факторов убедительно свидетельствует в пользу необходимости серьезных шагов

принципиального характера по перестройке российской экономики.

В настоящее время предлагаются разные подходы к решению проблемы модернизации экономики России. Создана комиссия по модернизации экономики при президенте России, которая идет «технократическим» путем – определения нескольких базовых направлений модернизации промышленности, составления перечней «приоритетных» проектов и др. Делаются и активные попытки внести инновационный импульс в процесс модернизации экономики путем административно-принудительного «подстегивания» бизнеса к внедрению инноваций, осуществления специализированных «кристаллизующих» проектов типа «Сколково» etc. Существуют предложения начинать модернизацию с кадровой революции, реформирования системы подготовки кадров, резкого увеличения инвестиций в человеческий капитал.

Все эти механизмы решения задачи сами по себе имеют право на практическую реализацию и, безусловно, будут способствовать решению главной задачи, однако для получения требуемого результата успехов в нескольких, пусть даже весьма важных областях, очевидно, мало.

Для достижения реальной модернизации необходима, во-первых, комплексная, системная модернизация не только отдельных критических или прорывных отраслей, но и всей технологической базы и, шире говоря, технологического уклада российской экономики. Во-вторых, необходимо рассматривать модернизацию в четкой связке с ее институциональным аспектом. Никакой значительной, устойчивой и имеющей долгосрочные позитивные последствия модернизации мы не получим, если не изменим подходы к дальнейшему формированию основных базовых институций нашего общества. В свою очередь, модернизация институциональная очень сильно зависит от общей концепции развития общества.

История знает немало случаев, когда правильно избранная модель общественного устройства активно способствовала развитию экономических отношений, быстрому прогрессу, в т.ч. и технологическому. Немало и

противоположных ситуаций, только в этом варианте результатом становилась, как правило, не только деградация экономики, но и, во многих случаях, – ее крах, а затем и смена экономической формации, а иногда – и общей модели общественного развития.

В связи с этим актуальным является вопрос выбора модели общественного устройства и соответствующей модели развития российской экономики, имея в виду создание такого ее типа, который позволил бы ей быть конкурентоспособной в глобализующемся мировом сообществе в ближайшие десятилетия.

Можно с уверенностью говорить, что в обществе сосуществуют на протяжении многих веков исторического развития две модели отношений его членов – контроль либо партнерство, причем превалирование той или иной компоненты, собственно говоря, и определяет тип соответствующего общественного образования. Опыт развития человечества говорит о том, что на исторически более длинных промежутках партнерская модель, позволяющая наиболее полно учитывать различные общественные интересы, давала обществу возможность развиваться динамично и была в целом эффективной. В то же время немало примеров, показывающих, что в относительно короткие исторические периоды более эффективно работала модель «государства-сверхкорпорации», превалирующими в которой являются интересы государства как института, в противовес приоритету интересов отдельного члена общества. Соответственно, институты такого государства нацелены преимущественно на охрану интересов государства, преумножение богатства государства (зачастую – в ущерб интересам отдельных его граждан); идеология такого государства базируется на принципе приоритета долга гражданина перед государством. Поддерживаемая правовым, репрессивным, административным и иным управленческим инструментарием, такая модель, безусловно, позволяет в определенный момент отобилизовать ресурсы государства на достижение «прорывных» задач. Однако на экономические стимулы такая модель реагирует значительно менее эффективно, чем партнерская. В результате, несмотря на достигаемые зачастую отдельные высокие показатели в каких-то направлениях, такое

государство становится уязвимым для рыночной конъюнктуры. Кроме того, корпоративная идеология такого общества стимулирует расслоение его на группы, часть которых контролирует ресурсы общества, другая часть в той или иной мере обслуживает этот контроль, а основная масса населения в реальной жизни отстранена от ресурсов; это ведет к сепарации общества, деградации его элиты, развитию коррупции, а затем – к неэффективности экономики и, как правило, ее распаду.

При этом следует учитывать, что обладание передовыми технологиями – это тоже один из ресурсов. Т.о., только лишь обладание передовыми технологиями (что, собственно говоря, и является целью заявленной технологической модернизации промышленности) не приведет к переводу общества на рельсы устойчивого экономического развития.

Экономика партнерства, напротив, базируясь на развитии человеческого ресурса как главного средства производства, ориентируется на то, что именно этот ресурс, свободный в принятии экономических решений, в партнерском обществе – главный источник общественного богатства. Отсюда – более высокая и осознанная активность граждан и в экономике, и, далее, в общественной жизни; отсюда – более высокая эффективность управляющих структур общества.

Т.о., сегодня перед российским обществом стоит важнейший вопрос – к какому типу общественного устройства мы хотим придти в ближайшие годы и на основе какой модели экономики? От ответа на этот вопрос и зависит определение основных направлений модернизации нашей экономики.

Ныне действующая экономическая модель родилась не сегодня и имеет значительную предысторию и предпосылки, созданные на предыдущих этапах развития нашего общества. Основа нынешних «достижений» была заложена частично в поздний советский период («сырьевой» тренд, технологическая отсталость, недоразвитость промышленной и иной хозяйственной инфраструктуры, архаичные представления об управлении с сохранением многих атрибутов и институтов такого управления в постсоветский период, известное отношение к собственности, в т.ч. – интеллектуальной и т.д. и т.п.). Частично успешную попытку «развернуть» экономические отношения советского

тоталитарного государства в сторону вовлечения в экономику на самостоятельной основе граждан в качестве экономических партнеров (развитие кооперативов, подготовка идеологической и частично законодательной базы для развития частной собственности, формирование современных экономико-законодательных механизмов ее оформления и др.) удалось сделать в поздний советский период правительству Н. Рыжкова и Л. Абалкина. Однако последовавший затем политический катаклизм, завершивший существование Советского Союза и приведший к формированию на постсоветском пространстве новой политической конфигурации, сопровождавшийся разрывом единого экономического пространства, а затем – и последовавшей стремительной деградацией экономических субъектов, ухудшением социально-экономических условий жизни населения, вынудил первое правительство России в начале 90-х годов в стрессовой ситуации предпринимать жесткие и, – сегодня это очевидно – не всегда продуманные меры по купированию возникшего острого кризиса и формированию новой экономической модели общества.

Не останавливаясь на известных и неоспоримо ценных шагах экономических властей России в этот период времени, возглавляемых «младореформаторами» из команды Е. Гайдара, тем не менее, отметим некоторые проблемы, возникшие в качестве следствия проводимой ими экономической политики и существенные для оценки сегодняшней экономической модели российского общества.

Поскольку основой этой модели сегодня является частная собственность на орудия и средства производства, частный капитал и различные вариации его взаимоотношений с государством и обществом («государственно-частное партнерство», «социальная ответственность бизнеса» и др.), напомним, что основу формирования института частной собственности в современной России в основном заложила проведенная в начале 90-х годов приватизация экономических субъектов. На заре экономических реформ 90-х годов в рамках первой волны приватизации собственность была передана трудовым коллективам, что в целом должно было способствовать вовлечению «широких масс трудящихся» в управление

экономическими субъектами, включить их в ряды частных собственников и сформировать социальную базу для развития частной собственности как института социального и экономического партнерства. Однако предложенные механизмы реализации приватизации не предусматривали сохранение собственности за вновьиспеченными собственниками миноритарных активов и позволяли осуществлять безболезненную и достаточно простую концентрацию таких активов у тех, кто мог эти активы «собрать». Учитывая, что собственно ваучерный этап приватизации сильно запоздал, к моменту ее проведения часть населения сумела накопить значительные (по тем масштабам) ресурсы, которые и были направлены на выкуп активов у нищенствующего (на фоне разразившегося экономического кризиса) населения. В результате приватизация вместо народного во многом приобрела административно-грабительский характер – возможно, вопреки идеям и воле ее авторов.

Т.о., в конце 90-х – начале 2000-х годов были заложены предпосылки формирования не партнерского варианта экономической модели, а варианта, получившего в обществе название «олигархического капитализма».

К сожалению, линия на номенклатурно-олигархическую приватизацию продолжалась и в середине, и во второй половине 90-х годов. В итоге перед экономическим кризисом 1998 года в составе юридических лиц России осталось лишь чуть более 16% госпредприятий, около 5000 пакетов акций приватизированных предприятий и 1,1 тысячи т.н. «золотых» акций. При этом предприятия базовых отраслей, имевших хороший экспортный потенциал, были приватизированы в первую очередь (например, 92% предприятий цветной и 99% черной металлургии, 95% нефтехимии, почти полностью – легкой промышленности и, наконец, – гражданского машиностроения, пищевого, промышленности стройматериалов, производства подакцизных товаров (алкоголя, сигарет)).

В результате отечественная приватизация 90-х годов, решив важнейшую политическую задачу (разрушить старую систему), не решила главную экономическую задачу – создание предпосылок для формирования не люмпен-пролетариев, а

активных частных собственников, заинтересованных строить общество-партнерство.

Т.о., экономические реформы 90-х годов, способствуя появлению узкой прослойки крупнейших собственников, получивших колоссальные активы за минимальные деньги, и появлению максимально широкого слоя населения, фактически оторванного от реальной экономической жизни, не дали главного, чего следовало ожидать от реформ – они не соединили получение высоких результатов деятельности экономических субъектов с осуществлением реального предпринимательства, необходимостью заниматься модернизацией активов (в т.ч. технологической модернизацией промышленных предприятий), модернизацией выпускаемой продукции (в первую очередь – через инновации) и т.д., что фактически изменило предполагавшуюся систему мотивации деятельности экономических субъектов на противоположную – в обществе сформировалось устойчивое представление о том, что такие базовые факторы, без которых невозможна реализация партнерской модели общества, – компетентность, трудолюбие etc, которые в развитых странах ассоциируются с базовым условием достижения благополучия, высокого социального статуса и т.д., в нашей стране средством достижения таковых не являются. Наоборот, это породило представление и у населения России, и в мире о российском предпринимателе либо как об олигархе, приближенном к распределению общественных ресурсов, либо как о вороватом чиновнике, распределяющим ресурсы. Изменить такие представления, далеко не всегда справедливые, но имеющие право на существование и постоянно воспроизводимые в общественном сознании по объективной причине, каковой является нынешнее экономическое устройство, унаследовавшее результаты реформ 90-х, является одной из важнейших задач модернизации российского общества.

Отметим, кстати, что в силу скорее объективных причин российские экономические реформы 90-х прошли мимо другого варианта приватизации, который реализовал Китай. В отличие от цели, преследуемой «младореформаторами», китайские власти в конце 80-х годов перед экономической реформой не ставили задачу быстрой смены формы собственности (хотя формирование

института частной собственности, безусловно, предполагалось); основной задачей китайской экономической реформы в этот период было обеспечение долгосрочного устойчивого экономического роста на базе создания частных предприятий и вовлечение в этот процесс максимально возможного контингента экономически активного населения путем отказа от тотального доминирования государственной и т.н. коллективной собственности. Китай пошел по пути, во-первых, активного привлечения сторонних (в первую очередь – иностранных) инвесторов на китайский рынок (так было и в поздних советских реформах), но только в отрасли, которые были новыми для китайской экономики (в отличие от СССР – ранней России). Это позволяло, например, иностранным инвесторам иметь хорошие позиции на китайском рынке, так как у них отсутствовали китайские конкуренты и присутствовала активная поддержка китайских властей, а китайским частным стартапам, мелким (в то время других и не было) предпринимателям вкладываться именно в те новые отрасли, которые хотело развивать государство, не мешая госпредприятиям, преобладающим в уже функционирующих отраслях экономики. Во-вторых, на приватизацию были отданы самые тяжелые и малоэффективные отрасли китайской экономики – сельское хозяйство, мелкий (в основном – торговый) бизнес; при этом в этих отраслях совместные с китайскими иностранные компании получали дополнительные преференции, что позволяло и тем, и другим развивать свой бизнес в этих отраслях максимально эффективно. На следующем этапе китайской приватизационной реформы на приватизацию выставлялись и предприятия из базовых отраслей, но только неэффективные, а также крупные и средние эффективные предприятия небазовых отраслей промышленности (пищепром, торговля, легкая промышленность и т.д.). Т.о., главное отличие китайской приватизационной реформы от российской, позволившее получить существенно больший экономический эффект для общества, заключается в том, что развитие частного сектора в экономике шло не путем быстрой и дешевой сдачи «командных высот» сектора государственной экономики, а путем постепенного «выращивания» частного сектора с параллельной поддержкой и даже в ряде случаев

наращиванием сектора государственного. При этом государство в качестве приоритета реформ обеспечивало четкое разграничение государственного и частного «карманов» и интересов. Еще одной особенностью китайской экономической реформы является создание специальных (разных) условий конкуренции для частных и государственных компаний. На внутреннем китайском рынке частные компании активно конкурируют с иностранными компаниями, что позволяет в целом (упомянем, не вдаваясь в детали) обеспечить быстрое, за 2-3 десятилетия доведение уровня качества китайских товаров до среднемировых при сравнительно низких производственных затратах и ценах на финальную продукцию и, соответственно, достижение необходимого для завоевания мировых рынков уровня китайской продукции по соотношению «цена/качество». В то же время государственные монстры китайской экономики (CNPC, China Mobile и др.), как известно, оперируют в основном на мировых рынках, в условиях конкуренции с мировыми гигантами, и пользуются колоссальной поддержкой китайского государства на всех уровнях. Т.о., в ходе китайской экономической реформы масштабного перераспределения государственной собственности не произошло, а частный сектор вырос до масштабов, сопоставимого с государственным, без «переименования» государственного имущества в частное.

Результатом этого, что важно с точки зрения нашего исследования, является то, что нынешний частный сектор в КНР возник в результате инициативы, таланта, усилий эффективных предпринимателей, для которых государство создало необходимые условия, но которых не наделило ничем иным (в т.ч. – бесплатной либо полубесплатной собственностью), что позволило в условиях разумно контролируемой и постепенно нараставшей конкуренции вырастить класс реальных эффективных собственников и поставить результаты их экономической деятельности не в зависимость от близости к «трубе» или другим ресурсам, а в зависимости от созидających экономических факторов.

Российское правительство после кризиса конца 90-х годов, осознав в какой-то мере несообразность избранного пути провозглашенным целям построения экономически

эффективного государства, предприняло определенные меры по восстановлению роли государственного сектора в ряде базовых экономических сегментов. Однако при этом неизбежным был идеологический переход и к восстановлению в правах модели «государства-сверхкорпорации».

Остановимся на характеристике основных элементов ныне действующей экономической модели.

В этой модели государство является ключевым источником экономического роста. Именно оно определяет экономические приоритеты, мобилизует под их реализацию административные, экономические и иные ресурсы и формирует для этого соответствующую инфраструктуру, создавая или скупая соответствующие компании, финансовые институты и т.д. Превалирующим и системообразующим в такой экономической модели является государственный спрос на товары и услуги.

Данная модель, преследующая декларируемую цель обеспечения социальной и политической стабильности, базируется на высоком и растущем уровне мировых цен на российское сырье, в первую очередь, – углеводородное, и ориентируется на наращивание бюджетных расходов в качестве главного источника спроса. Такая модель предполагает, очевидно, постепенное увеличение налогового бремени при неснижающемся высоком уровне инфляции и требует постоянного расширения государственного вмешательства в экономику – не только (а затем, – и не столько!) регулятивного, сколько (чаще всего!) адресного – т.н. «ручного» управления, которое становится все более превалирующим в противовес системному. Нынешняя экономическая модель, сохранившая такое «родимое пятно» 2000-х годов, как использование крупных, дешевых и при этом незаработанных ресурсов, порожденных не ростом производительности труда, а благоприятной конъюнктурой, предполагает также активную роль и развитие монополий, что в сочетании с дорожающими углеводородами на мировых рынках (стерилизовать последствия чего ЦБ путем сдерживания укрепления рубля может лишь ограниченно) и при мощных государственных инвестициях в инфраструктуру (дорожное строительство, энергетика и др.), а также в социальную сферу, и при неизживаемом в рамках такой модели

высоком уровне коррупции, гарантировано «обеспечивает» высокий уровень инфляции и необходимость дальнейшего наращивания социальных расходов, которые, в силу своего характера, являются, в свою очередь, необратимыми (в отличие от вложений в инфраструктуру).

В этих условиях государство будет вынуждено все более и более прибегать к административным регулятивным механизмам («адресное» вмешательство в деятельность экономических секторов и компаний, специфический «патернализм», выборочность правоприменения к субъектам регулирования), что, в свою очередь, порождает усиление коррупции, ухудшение инвестиционного климата – как для «своих», так и для «чужих», и другие негативные явления, сужающие возможности развития российской экономики и достижения им темпов, хотя бы «догоняющих» экономику мировую.

Очевидно, идеология модернизации российской экономики в данной экономической модели реализована быть не может. Необходим переход от модели экономики государственного спроса к модели экономики предложения. При этом такая модель должна ориентироваться, особенно на первом этапе, не столько на темпы экономического роста, сколько на качество такого роста. Целесообразно перейти к стимулированию предложения продукции, создаваемой субъектами экономической деятельности. Для этого необходимо радикально изменить и условия их функционирования в экономическом пространстве, и, собственно, институциональную конструкцию самого этого пространства.

Назовем, не претендуя на полную оригинальность и безусловную полноту, некоторые существенные, на наш взгляд, черты такой модели.

Ее первое принципиальное отличие – не рост, а относительное (к размерам экономики) сокращение и сбалансированность бюджетных расходов. При росте экономики это позволит приступить к снижению налоговой нагрузки на бизнес, направить высвобождающиеся ресурсы на так необходимые инновации и развитие производства товаров и услуг. Кроме того, это позволит в значительной мере снизить

налоги на труд, что будет стимулировать спрос со стороны населения. Важно также в это же время обеспечить рационализацию бюджетных расходов, наведение жесткого порядка в этой сфере.

В целях сдерживания инфляции и получения дополнительных доходов, которые можно направить на реализацию модернизационных задач (например, на закупку за пределами России новейших технологий, станочного парка и других важнейших и отсутствующих у нас ресурсов) в такой модели предполагается развитие механизмов стерилизации конъюнктурных доходов государства неналогового характера (через создание/воссоздание специальных стерилизационных фондов).

Важной чертой данной модели, что отвечает, отметим, и общему мировому тренду, и планам вступления России в ВТО, является повышение открытости экономики, ее инвестиционной привлекательности (расширение механизмов и возможностей Таможенного союза, создание ЕЭП, «открытие Европы», благоприятная для инвестпроцесса валютная политика и т.д.). При этом государство, тем не менее, должно обеспечить разумный патернализм в деле «покорения» российскими несырьевыми компаниями важных ниш на мировых рынках.

Не менее важным элементом такой модели является радикальное изменение отношения к человеческому капиталу. Следует, видимо, отметить, что еще одной серьезной проблемой, доставшейся нам в наследство от экономических реформ 90-х-2000-х годов, явилось критичное снижение ценности человеческого капитала, престижа науки и образования и т.д. (причем это – «родовая болячка» России: так было и после революционных реформ 1917-1920-го годов), что привело к гигантской «утечке мозгов» и потере Россией множества позиций в наиболее передовых секторах науки и производства, которые в глобализующейся мировой экономике и являются основными драйверами роста. В связи с этим необходимо серьезное изменение государственной политики в сфере человеческого капитала путем активного развития различных социальных систем – от родовспоможения, здравоохранения и т.д. до пенсионного обеспечения, включая, безусловно, всю систему

образования – от школьной скамьи, подготовки и переподготовки кадров до профессиональной фундаментальной и прикладной науки.

Наконец, необходимо, учитывая эффективный китайский опыт, а также практику европейских стран, осуществленную в 60-70-е годы, реализовать систему создания новых производств на базе неолигархического капитала путем расширения прав и усиления защиты интересов собственников малого и среднего бизнеса, их собственности (в т.ч. – интеллектуальной), их инвестиций, что позволит в конечном счете сформировать реальный, а не «из-под палки», спрос на постоянную модернизацию и инновации.

Очевидно, реализация подобной экономической модели, соответствующей динамике движения к партнерской модели общественного устройства, требует модернизации не только промышленной, инфраструктурной и др.; простая технологическая модернизация неэффективна и останется лозунгом без модернизации экономической модели, которая, в свою очередь, не модернизируема в необходимый вариант без модернизации соответствующих общественных институтов. Необходимо изменение принципов государственного управления, механизмов реализации институтов собственности и др. Важнейший шаг – создание независимого правосудия, без которого не будет подлинной реформы правоохранения, а, следовательно, – хорошего инвестиционного климата, реального перехода российской экономики на инновационный путь развития, что является одной из парадигм ее модернизации.

Возможно, стоит еще раз подчеркнуть также, что в качестве важных элементов перенастройки общественных институтов следует считать повышение эффективности бюджетных расходов, борьбу с коррупцией, отказ от репрессивного экономического законодательства.

Справедливости ради стоит отметить, что отдельные усилия в этом направлении государством предпринимаются, однако, опять же справедливости ради, можно с уверенностью сказать, что эффективность этих усилий пока крайне недостаточна для достижения объявленных целей модернизации экономики России.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Модернизация общественных институтов как базовая антикризисная стратегия. «Мир авионики», №6, 2009.
2. Бодрунов С.Д. Очередная реинкарнация идеи модернизации России: выбор модели. «Экономические стратегии», №3 (89), 2011.
3. Бодрунов С.Д. Модернизация экономики России – модель спроса или модель предложения? «Новости Петербурга», №21 (682), 1-7.06. 2011.